

Глава 10. Пепел и обет

Гиперосмолярная дегидратация. Вглядываясь в бледное, словно восковая бумага, лицо спящего, он думал лишь об одном:

«Смерть, умоляю, не забирай его. У него ведь больше ничего не осталось».

— Давление падает! Пульс сто пятьдесят!

— Живо, пятипроцентную глюкозу внутривенно!

— Никакой анестезии! Хотите, чтобы он овощем остался?!

Этот истошный визг и суэта уже сидели у него в печенках. Будь его воля, он бы без лишних слов заставил эту свору заткнуться. Ему хотелось забрать его отсюда, унести подальше, лишь бы не видеть, как эти коновалы терзают измученное тело.

Но сильнее этого желания было только одно — он чертовски хотел, чтобы тот выжил.

Последние два часа превратились в сущий кошмар, о котором не хотелось даже вспоминать. Словно блуждание в глухом, беспросветном лабиринте без единого намека на факел или хотя бы искорку света, указывающую путь к выходу.

На краю стола остывала чашка со сливовым чаем — подарок какой-то сердобольной штабистки. Темно-фиолетовая жидкость цветом пугающе напоминала свернувшуюся кровь. Он упорно отводил взгляд. Ему не хотелось смотреть ни на что, способное разворошить едва утихшую боль.

Но страдал ли он сам? Нет. Не ему сейчас было хуже всех.

Забрало из закаленного сплава работало как одностороннее зеркало. Снаружи — глухая отражающая стена, но изнутри... Изнутри он определенно видел того человека. И, без сомнения, сразу его узнал.

«Шангуань Цицзе, о чем ты думал в ту секунду?»

Цицзе был ранен. Из той заварухи его вытащили люди Лань Хуае. Провозиться им пришлось изрядно, тем более что над ухом у них непрерывно зудел один невыносимый тип.

А сам этот ублюдок к тому времени уже укатил восвояси, прихватив сестрицу, чтобы и дальше наслаждаться своей сладкой жизнью.

Тварь. Их обоих стоило придушить еще теплыми.

Заряд батарей просел почти до нуля. Меха-броня АРЕ даже не могла перейти в режим ожидания, из-за чего запустить штатную программу демонтажа оказалось невозможно. Экстренное извлечение пилота в таких условиях — процедура варварская и невероятно болезненная. Для техника это всегда суровое испытание на прочность. И пускай пилот был без сознания и его дикие, разрывающие душу крики не сбивали концентрацию, оставаться хладнокровной машиной в такой момент не мог ни один нормальный человек.

Внезапно в голове мелькнула мысль: уж тот-то холеный гад справился бы без лишних эмоций. И от этого осознания глухая ненависть вспыхнула с новой силой.

Толстый зонд, уходящий сквозь панцирь прямо в позвоночник — это терминальный интерфейс RX-101. Через него система АРЕ получала питание и считывала генетический код. Настраиваясь под мышечный рельеф и сплетение нервных узлов конкретного пилота, он синхронизировал энергопотоки брони с теплообменом человеческого тела. Исюань уже не помнил, какому гению пришла в голову идея такой интеграции, но сейчас ему хотелось лишь проклинать этих яйцеголовых создателей. Малейшая ошибка при извлечении, микроскопический сдвиг — и спинной мозг превратится в кашу, обрекая человека на пожизненный паралич.

Неужели ради победы в этой проклятой бойне человечество готово платить столь чудовищную цену?

Сжав пластиковыми зажимами выступающую над бледной кожей часть зонда, он почувствовал, как предательски дрожат пальцы. Непростительная, позорная слабость для профессионального техника.

Пришлось тащить вслепую, вырывая плоть. Зонд выходил из тела с тихим влажным хрустом, увлекая за собой тонкие струйки темной крови. Обычно биомеханика АРЕ мгновенно затягивала подобные раны, но сейчас броня была мертва — без энергии все ее системы жизнеобеспечения отключились.

Когда наконец удалось подключить внешний генератор, матово-серая броня слабо замерцала, оживая. Запустился экстренный демонтаж. Биохимические порты начали остывать и сжиматься, с тихим шипением выталкивая из плоти десятки крупных и мелких сенсорных игл. Доспех АРЕ тяжело осел на фиксаторы, полностью обесточившись и вновь превратившись в груду безжизненного серого металла.

С трудом переводя дух, Цзюньвэнь Исюань осторожно потянул защелки шлема и снял его. В следующую секунду он застыл.

Сердце болезненно сжалось, словно его раздавили в кулаке.

«Цицзе... Господи, как же ты это терпел?»

Вообще-то он терпеть не мог табачный дым. Но сейчас рука сама потянулась к оставленной кем-то на столе пачке. Запершись в тесной каюте подводной лодки, в звенящей, давящей тишине он отрешенно чиркнул зажигалкой, сделал глубокую затяжку и тут же надрывно закашлялся.

Поморщился от горечи, но тушить сигарету не стал.

Всегда такой собранный, педантичный, сейчас он сидел, нелепо скрючившись на жестком диване, словно заправский торчок в притоне. Он медленно сползал вниз, утыкаясь лицом в обивку, зарывался пальцами в растрепанные серебристые волосы и тихо, хрипло смеялся. Хотя этот смех куда больше походил на беззвучные рыдания.

Серебряные пряди падали на глаза. Он медленно выпускал изо рта сизые струи, наблюдая, как комната погружается в мутную, пахнущую гарью полутьму. Пожалуй, именно так и выглядит падение на самое дно.

Зуммер внутреннего селектора прозвучал неожиданно резко. На панели замигал тревожный красный огонек, оставляя в воспаленных глазах багровые росчерки.

— Цзюньвэнь, живо в левый обзорный отсек. Это приказ.

Голос Старшей сестры звучал непривычно официально. Видимо, Хо Бижо прекрасно понимала: не прибегни она к уставному тону, парень даже пальцем бы не пошевелил.

Затушив окурочок о край металлической переборки, он поднялся и тенью побрел по коридорам. Бижо уже ждала его. Парадный мундир сидел на ней безупречно, придавая обычно расслабленной осанке строгий военный лоск. Завидев подчиненного, она не стала раздавать команды и даже не поздоровалась.

— Ну и зачем звала? — буркнул он, прислонившись к переборке. — Решила устрицами полюбоваться?

На такой глубине обзорный отсек действительно напоминал мертвый океанариум — за толстым стеклом колыхались лишь редкие водоросли да шныряли мелкие глубоководные гады. Без внешних прожекторов разглядеть что-то дальше пары метров было решительно невозможно.

Вместо ответа капитан лишь тяжело вздохнула. Этот вздох не предвещал ничего хорошего.

— Прими поздравления. Тебе присвоили очередное звание, — она протянула ему плотно свернутый в трубку лист плотной бумаги. Тон Хо Бижо попыталась сделать небрежным, но

фальшь резала слух — на ее лице не было и тени радости. Лишь свинцовая обреченность.

Исюань насторожился. Взяв свиток, он почувствовал, как внутри все стягивается в тугий узел.

Сработала звериная интуиция.

— Какого... — он развернул бумагу, пробежал глазами по строчкам и яростно стиснул зубы. — Какого черта?! На каком основании они...

— Долг солдата — подчиняться приказам, — перебила его капитан, выпрямляясь. — У тебя нет выбора, младший лейтенант.

Он сжал лист в кулаке, сминая его в бесформенный комок. Хотелось со всей силы швырнуть эту дрянь в стену, но глупо было обманывать себя — это ничего бы не изменило.

Долг. Присяга. У него действительно не спрашивали согласия.

— Прости... — негромко произнесла Бижо. За маской напускного спокойствия скрывалась глубокая горечь. Она теряла не просто толкового спеца — она нарушала собственное слово. — Я ведь обещала, что не заберу тебя от него. Но, как видишь, реальной власти у меня — кот наплакал.

— Я вернусь, — отрезал новоиспеченный младший лейтенант. В его голосе не было и капли сомнения. — Пока меня не будет... присмотри за ним. Пожалуйста.

Женщина примирительно подняла руки, пытаясь разрядить обстановку:

— Ну уж нет, ничего не обещаю. Этот сумасшедший вечно лезет на рожон, сама знаешь.

Цзюньвэнь посмотрел с едва заметной теплотой. Он криво усмехнулся, пряча за этой ухмылкой все те невысказанные чувства, которые так долго держал в узде.

— И все же... кто займет мое место?

Каждому пилоту полагался персональный техник. Без надежного тыла АРЕ превращалась в бесполезную грудку железа.

— Пока никого нет, — без обиняков ответила Бижо. — На нашей базе специалистов такого уровня по пальцам пересчитать можно. Все, кто хоть что-то смыслил в проекте АРЕ, включая тебя и Цицзе, сейчас торчат на передовой... Штучный товар, мать его.

На всю группировку приходилось всего пять боевых единиц АРЕ и ровно столько же техников, способных их обслуживать. Шел идеальный баланс «один к одному». Чтобы подготовить нового специалиста, требовались годы жесткой муштры и учебы — обычного инженера к таким технологиям и близко не подпустили бы.

И среди всей этой десятки Цицзе оставался единственным исключением.

Скромные погоны младшего лейтенанта вовсе не отражали реальный масштаб его таланта. В свое время Исюань сам сознательно отказался от блестящей карьеры в штабах и теплых лабораториях, выбрав пыльную передовую. И теперь он прекрасно понимал, чьих рук этот перевод. Кое-кто из высшего эшелона просто решил показать, у кого здесь власть.

— Значит, пока замену не найдут, он не сможет пилотировать бронекостюм? — парень процедил слова сквозь зубы и сжал кулаки. — Я не хочу отдавать его в чужие руки. Только не его.

— Не переживай ты так, — попыталась успокоить его Бижо. — У меня губа не дура, ты же знаешь. Вы с Цицзе — лучшие из лучших. И преемника я подберу под стать.

Она кривила душой, скрывая правду, но иного пути не видела. Слишком опасно было выкладывать все карты этому парню. В тихом омуте черти водятся, и если обычно спокойный Исюань сорвется с катушек, мало никому не покажется.

— К тому же с его скверным характером... Еще поди найди того, кто продержится с ним больше недели и не сойдет с ума.

Если замрёт время, пусть улыбка твоя длится вечно.

Если замрёт мир, я хочу, чтобы ты был рядом.

Если иссякнет жизнь, я последним вздохом призову твоё имя.

Если иссякнет любовь, соединит ли нас последняя слеза?

Я так устала, хочу сказать...

В моих мыслях лишь твоё имя, но лица твоего уже не вспомнить.

Дыхание стало обузой, в глазах моих больше нет слёз.

Сколько раз я пыталась всё бросить, но до сих пор жива этим безумием.

Почему нам суждено никогда больше не встретиться?

Жизнь оборвётся, но даже у самого края я вспомню лишь твоё лицо.

Я не умею отступать, я лишь хочу вернуть осколки прежнего тепла.

Когда же я смогу вновь обнять тебя и коснуться губами твоей щеки?

Я так смертельно устала.

Я пройду сквозь выжженную пустыню, и пусть впереди нет оазиса — мне всё равно.

В миражах я отчаянно ищу твой утешающий силуэт,

Но он давно принадлежит не мне.

Я стою в одиночестве на самом краю ревущего ветра,

И не уйду отсюда, даже если придётся ждать вечность.

Пусть песчаная буря унесёт мои горькие слёзы,

Они больше никого не согреют.

Слёзы высохли, но в сердце осталась лишь запоздалая участь:

Мир без тебя может катиться к чёрту.

Теперь я верю: любить не того — это не просто злой рок.

Это проклятие, связывающее нас до конца дней...

— Джессен, «Don't stop love»

Новый трек Джессен мгновенно взлетел на первую строчку квартального чарта. На западе сингл вышел под названием «Don't stop love», но здесь его перевели просто и горько: «Любить не того». Молодая поп-дива продолжала купаться в лучах славы. Всего за три года с момента дебюта она превратилась в безоговорочного лидера музыкальной индустрии: продажи каждого сингла переваливали за миллион, а тиражи альбомов заставляли конкурентов лишь завистливо вздыхать. Публика обожала ее саму, но еще больше — ее песни: чувственные, дерзкие, полные щемящей тоски, исполненные глубоким, чарующим голосом с легкой хрипотцой. Природа не поскупилась, наградив девушку и редкой красотой, и ангельским вокалом. Неудивительно, что помимо официального прозвища Улыбающаяся леди, пресса за глаза окрестила ее «Дитя Божье».

God's Child.

Со временем ее автограф превратился из простого имени в лаконичную монограмму из переплетенных букв «G» и «C» — стильный, дерзкий росчерк, полностью соответствовавший образу той холодной красавицы, что смотрела на фанатов с глянцевого постера.

Но если Джессен действительно была любимицей небес, то кем тогда была Ситу Мо?

«Если бы до конца света оставалось три минуты, что бы вы сделали?»

«Я бы спела песню. Чтобы те, кто любит меня, ушли под ее звуки».

Таблоидные издания вовсю смаковали этот заголовок: «Последние три минуты Земли: песня, растрогавшая небеса». Джессен умела продавать свой образ с обезоруживающей уверенностью. В шоу-бизнесе скромность — прямой путь в забвение, нужно постоянно греметь, провоцировать, удерживать внимание толпы. И у нее для этого было все.

Она принадлежала миллионам. А значит, не могла принадлежать кому-то одному.

И в этом безудержном эгоизме, в неспособности остепениться она была плоть от плоти своим братом. Ситу Кун и его сестрица скользили по чужим чувствам с одинаковой, пугающей легкостью.

Но суждено ли тем, кто привык играть чужими сердцами, однажды самим стать игрушкой в руках судьбы?

Голос Джессен заполнял комнату до краев. В этой музыке было нечто гипнотическое, сродни наркотику. Он давно сумел вытравить из себя остатки любви к этой женщине, но избавиться от зависимости от ее песен так и не смог.

Когда-то он боготворил в ней каждую мелочь, теперь же осталась лишь выжженная пустота. Наверное, все дело в каких-то грехах из прошлой жизни, за которые судьба теперь заставляла

его расплачиваться столь изощренным способом.

Словно его предназначением в этом мире было стать искупительной жертвой для этой безумной семейки — брата и сестры Ситу.

— Эй, Старшая...

Вышедшая из душа Хо Бижо застала своего подчиненного в привычной позе — парень валялся на диване бревном, уставившись в потолок. Вытирая на ходу мокрые волосы, она не глядя швырнула в него полотенцем:

— Сколько раз говорить: не смей курить на диване! Он стоит как половина твоего бронекостюма!

Махровая ткань накрыла его с головой, но Шангуань Цицзе даже не шелохнулся. Когда финальные аккорды песни затихли, он медленно стащил полотенце с лица и хрипло произнес:

— Знаешь... Пожалуй, я соглашусь.

В его голосе все еще сквозило сомнение.

Бижо уперла руки в бока:

— Наконец-то! Рада, что ты вспомнил о чувстве долга.

Цицзе промолчал, продолжая лежать неподвижно под наброшенной вместо пледа форменной шинелью. Кондиционер в каюте был выкручен на ледяные семнадцать градусов — настоящий морг. Поежившись от холода, Бижо быстро нашла пульт и прибавила тепла.

Два месяца прошло, а он все никак не придет в себя. Ходит как живой труп.

— Хоть это и выглядит как обычное приглашение, для нас это идеальный шанс провернуть одну деликатную операцию. Не запори дело, — она замолчала, разглядывая его безучастное лицо. В душе шевельнулось запоздалое раскаяние. Отправлять его туда сейчас... все равно что толкать в пекло собственными руками.

— Послушай, если ты наотрез отказываешься, я могу составить рапорт и...

— Я поеду, — отрезал Цицзе. — С какой стати мне отказываться? Приказ есть приказ.

Капитан нахмурилась, глядя на него со смешанным чувством жалости и тревоги.

— К тому же мне нужны баллы для аттестации. Если все пройдет гладко, в следующем году смогу рассчитывать на погоны старшего лейтенанта? — равнодушно добавил он.

Два месяца назад, после успешного завершения операции на Черном острове, Ситу Кун даже соизволил прислать официальное благодарственное письмо. В нем он высокопарно соболезновал раненому асу, благодарил за «самоотверженный подвиг» и желал скорейшего выздоровления. Вслед за этим пришло повышение до младшего лейтенанта, новенький орден на грудь и прибавка к жалованью в двадцать процентов. Обычный солдат был бы на седьмом небе от счастья.

Но неужели Цицзе действительно так пекся об этих несчастных звездочках на погонах?

— Ишь чего удумал, мелкий. Решил меня подсидеть? — хмыкнула Бижо, пытаясь разрядить обстановку.

Парень лениво почесал за ухом и буркнул:

— Да сдалось мне это... Я бы с удовольствием всю жизнь под твоим началом прослужил.

Она лишь покачала головой. Ложь это была или неумелая попытка поднять ей настроение — неважно. Командир слишком хорошо знала своего пилота: если Цицзе начинал язвить и паясничать, значит, на душе у него скребли кошки.

У него был отвратительный характер. Он никогда не орал и не устраивал сцен, когда злился. Вместо этого он уходил в глухую оборону, заставляя окружающих мучиться догадками.

— Ладно, раз решил — собирайся. Самолет в час ночи?

Всего полтора часа лету, так что на месте он окажется глубокой ночью. Тот высокопоставленный господин, что прислал билеты, лично обещал встретить его в аэропорту. Уж не задумал ли он очередную пакость?

Хотя ходили слухи, что этот эстет никогда не возвращается к пройденным трофеям.

То, что далось слишком легко, быстро теряло для него всякую ценность. Он выбрасывал людей из своей жизни без тени сожаления, оставляя в их душах незаживающие шрамы.

Цицзе поднял перед глазами плотный конверт с золотым тиснением и недоуменно сощурился:

— Да нет, тут другое... Поезд в полночь. Сказано сойти на промежуточной станции.

— Что? — Бижо вскинула руку с часами. — Полночь?! Да сейчас уже без двадцати двенадцать! И почему вообще поезд, а не спецборт?

В билете, приколотом к пригласительному письму, черным по белому значилось: отправление из Цзиньлина, пункт назначения — Город Сияющей Ночи, с пересадкой на фешенебельном курорте Побережья Заката.

«Поездка по железной дороге способствует релаксации и благотворно влияет на процесс реабилитации после травм», — гласила приписка, выведенная размашистым, безупречным почерком.

Взгляд Цицзе замер на подписи внизу листа.

Ситу Кун.

Имя, которое он не сможет забыть до самой смерти.

— Быстрее! Я подвезу! — Бижо буквально вытолкала его в коридор, на ходу запихивая скудные пожитки в армейский вещмешок. — Издевается он, что ли?! Чертов пижон.

Раньше Цицзе подозревал, что Старшая сестра и Ситу Кун подозрительно хорошо знают друг друга. Позже выяснилось: они были сокурсниками. В подростковом возрасте оба учились в Государственной военной академии стрелкового мастерства. Бижо шла круглым отличником и окончила курс первой на потоке, в то время как этот мажор едва наскребал проходные баллы, а под конец и вовсе бросил учебу из-за систематических прогулов.

Маленькая, постыдная тайна безупречного принца. Рубец на его репутации, который останется с ним навсегда.

Когда-то давно они ездили вместе с Джессен. То было романтическое путешествие для двоих, и с тех пор он зарекся покупать билеты на скоростные экспрессы.

В люксовых вагонах первого класса каждому пассажиру полагалось отдельное купе — крошечное, даже теснее, чем каюта на десантном катере. Вагон-ресторан располагался в одиннадцатом секторе. Изысканный ретро-дизайн, приглушенный свет, негромкие переливы саксофона, наигрывающего меланхоличный джаз... Похоже, все здесь ехали отдыхать. Все, кроме него.

Из вещей у него был только один потертый рюкзак. Послушав совета Бижо, он еще в купе стянул с себя жесткий китель и переоделся в гражданское: свободное серое худи с глубоким капюшоном, старые джинсы и простые белые кеды. В таком прикиде он походил на обычного студента, возвращающегося на каникулы домой, если бы не хмурый, колючий взгляд.

Надвинув капюшон на самые глаза, чтобы избежать лишнего внимания, он прошел в ресторан и устроился за столиком в самом углу, заказав чашку черного кофе.

Однако официант почему-то принес две чашки.

— Простите, но это место забронировано... — вежливо улыбнулась проходящая мимо проводница.

Значит, столик был чужим.

Он уже поднялся, собираясь уйти, как вдруг двери вагона разъехались. В проходе появился высокий, статный мужчина с безупречно уложенными темными волосами. Он был породист и чертовски красив, с холодными льдисто-голубыми глазами. Под руку он вел ослепительную спутницу, о чем-то весело переговариваясь с ней на ходу.

Встретить его здесь, в обычном экспрессе, было полной неожиданностью.

Цицзе никогда не видел его таким: вальяжным и любезным, с легкой, кокетливой улыбкой на губах.

Что ж, логично. С женщинами он вел себя совсем иначе, чем с мужчинами.

Цицзе поглубже натянул капюшон и опустил голову, надеясь проскользнуть мимо. Раскрывать карты раньше времени не хотелось. Тем более этот франт вряд ли мог предположить, что неприметный парень в худи — тот самый грозный ас Восточного военного ведомства, которого он лично вызвал на курорт.

Но судьба распорядилась иначе. В тот момент, когда они поравнялись, тяжелая ладонь легла ему на плечо.

— Постойте... Мы ведь где-то встречались? — Он уставился на него в упор, его взгляд мгновенно стал цепким и сканирующим. — Я определенно вас помню.

Память этого человека снова стерла все, что касалось Цицзе. Он никогда не утруждал себя запоминанием того, что не представляло для него выгоды или сиюминутного интереса.

Скрываться дальше не было смысла. Цицзе медленно стянул капюшон и посмотрел ему прямо в лицо:

— Официально мы не знакомились.

Ситу Кун удивился, но удивление быстро сменилось плотоядным интересом. Он бесцеремонно оглядел парня с ног до головы:

— Надо же, какое примечательное личико. Нет, я точно тебя где-то видел.

Спутница недовольно надула губы:

— Хватит тебе. Хочешь сказать, он красивее меня? С каких это пор тебя потянуло на мальчиков?

— Вовсе нет, глупышка, — Кун, ничуть не смущаясь публики, привлек женщину к себе и поцеловал ее в губы — долго, напористо. Однако его пальцы по-прежнему крепко сжимали локоть Цицзе, не давая тому уйти. — Это наше первое совместное путешествие, не порть его ревностью. Ты же знаешь, я принадлежу только тебе, — ворковал он, глядя на нее с такой нежностью, что любая бы растаяла. Каждое движение, каждая улыбка дышала искренней страстью.

Вот только Цицзе слишком хорошо знал, сколько фальши скрывается за этой красивой оберткой.

— Мне просто стало любопытно, — успокоив пассию, Кун вновь повернулся к Цицзе. Пальцы на плече сжались сильнее, причиняя ощутимую боль. — Вдруг это очередной шпион моего дорогого папаши? Решил присмотреть за сыночком?

Он действительно ничего не помнил. Два месяца — и от общего прошлого не осталось и следа.

— Слушай сюда, парень. Я терпеть не мог ищеек. Исчезни с глаз моих, пока я добрый, — процедил Ситу Кун. Недавняя нежность испарилась без следа, уступив место ледяному презрению.

Шангуань Цицзе усмехнулся:

— А я-то надеялся услышать слова благодарности. Не слишком ли грубо для разговора со своим спасителем?

Ситу Кун искренне изумился:

— Ты?.. Так это ты был в тот день... Хах, никогда бы не подумал, что наш хваленый ас настолько молод. Я-то представлял себе матерого служаку со шрамами во все лицо.

— Что ты делаешь в обычном поезде? — спросил Цицзе, переводя взгляд с него на прижавшуюся к нему девицу.

Женщина демонстративно положила голову на плечо жениха, всем своим видом показывая, что чужак ей глубоко неприятен. Похоже, она прекрасно знала, каким неисправимым бабником был ее ненаглядный, и теперь цеплялась за него как за последний спасательный круг.

Кун мягко, благородно улыбнулся:

— Раз уж мы столкнулись, позволь представить мою спутницу. Это моя невеста, госпожа Инь Юань. Наши семьи договорились о браке еще до нашего рождения, но по-настоящему близки мы стали лишь недавно, — он нежно посмотрел на девушку. — Свадьба запланирована на начало следующего года.

Оказывается, у него была невеста. Навязанный семьей союз, который он теперь принимал с таким удовольствием.

— Сикун, — капризно протянула девушка, используя интимное, только ей дозволенное имя. — Кто это?

— Тот самый парень из Восточного военного командования, о котором я тебе рассказывал, — с улыбкой ответил Кун. — Он вытащил нас с Джессен из той передраги.

Инь Юань смерила Цицзе оценивающим, не слишком дружелюбным взглядом и обвила руками шею жениха:

— Надо же, какой юный. Совсем не похож на сурового вояку.

Было видно, что Кун души не чает в своей невесте. Он осторожно прижимал ее за талию, осыпая легкими поцелуями ее шею. В каждом его жесте сквозила трепетная забота — разительный контраст с той животной жестокостью, которую он когда-то проявил к Цицзе.

Цицзе равнодушно смотрел на нее. Инь Юань. Наследница Инь Хунда, богатейшего магната из портового города Ной. И по совместительству — главный объект его новой секретной миссии по охране VIP-персон.

Брак по расчету, идеальный союз двух влиятельных кланов. Все разыграно как по нотам.

Тем временем парочка, совершенно позабыв о приличиях, перешла к более решительным действиям. Поцелуи становились все откровеннее: его губы скользили по ее ключицам, ее ладони бесстыдно забрались под его пиджак.

Цицзе не стал отворачиваться из ложной скромности. Он просто стоял и смотрел на эту сцену со стороны. Ему впервые довелось увидеть Ситу Куна таким — чутким, внимательным, влюбленным. Наверное, он действительно дорожил этой женщиной.

Целуясь, они медленно сместились к тамбуру, окончательно перестав замечать мир вокруг. Цицзе тихо развернулся и ушел, оставив за спиной осколки собственного сердца. Запершись в крошечной кабинке своего купе, он встал под ледяной душ, но даже ледяные струи не могли вытравить из памяти картину их страстных объятий.

Он резко крутанул кран. Шум воды стих. Парень застыл посреди тесной душевой кабины. Капли медленно скатывались по мокрым прядям, срываясь с подбородка. Лицо его оставалось неподвижной маской, но за сомкнутыми веками вновь и вновь прокручивались кошмары прошлого — те грязные, унижительные сцены, от которых невозможно было отмыться.

Натянув чистую одежду, он долго курил у окна, отрешенно слушая музыку в плеере и уставившись в серую мглу за стеклом. Очнулся только тогда, когда в животе заурчало от голода. Часы показывали семь утра.

Мир действительно тесен. Стоило ему приоткрыть дверь купе, как в узком коридоре он нос к носу столкнулся с Ситу Куном. Тот был в легком банном халате, с растрепанными влажными волосами — видимо, только что из душа.

— О, какие люди... — удивился Кун. Он неловко взъерошил влажные пряди и заговорщически кивнул на дверь своей каюты: — Моя только уснула, не будем шуметь. Прогуляемся, приятель? Разговор есть.

Цицзе скользнул взглядом по его правой руке. На тыльной стороне ладони белел шрам. За два месяца рана полностью затянулась, оставив после себя неровную отметину в форме крошечной, но отчетливо заметной звезды.

— Нам не о чем разговаривать, — холодно бросил он, тщательно скрывая бурю внутри. Он старался казаться равнодушным, делая вид, будто их знакомство ограничивается той короткой встречей на Черном острове. — Возвращайся лучше к невесте. Женщины не любят просыпаться в одиночестве.

По крайней мере, Джессен всегда устраивала из-за этого скандалы.

Цицзе похлопал его по плечу, намереваясь пройти мимо, но Кун среагировал мгновенно. Схватив парня за предплечье, он рванул его на себя и с силой впечатал спиной в переборку, нависая сверху всей своей немалой фигурой.

— А мне кажется, есть о чем. Например, о твоем настоящем задании. Ты ведь явно что-то недоговариваешь, верно?

Он смотрел с холодной угрозой. Этот взгляд, способный, казалось, проникать в самые сокровенные тайны, оставался абсолютно пустым. В нем не было памяти. Ситу Кун мог замечать все вокруг, но никогда никого не впускал в свое сердце.

Он не раз повторял, что у Цице запоминающаяся внешность, которую трудно забыть. И все же стирал этот образ из головы снова и снова.

— Докажи, что ты действительно офицер Восточного военного командования, а не цепной пес моего отца, подсланный следить за мной!

Шангуань Цице горько, одними губами усмехнулся:

— Шрам на твоей руке... Это ведь я его оставил.

<http://bllate.org/book/18305/1758898>